

Чжаныши

Дэн С.Дюваль

В 20 км к востоку от Пыльнограда

Джонатон

Сообщество Сарна

Капелланская Конфедерация

28 июня 3068 года

Со встающим утренним солнцем за ними, подавляющие силуэты мехов подымались из теснин понизу длинного пологого склона, что спускался от блиндажей и стрелковых ячеек Четвертого ополчения Джонатона. Стремительно двигаясь, металлические великаны, казалось, неслись напрямик к его ячейке, стрелковой ячейке Франко Вэя – 2123-го в линии Дома Ляо.

Не то, чтобы он был известен под этим именем среди своих братьев по оружию, позабившихся слева и справа от Вэя в собственные ячейки, выкопанные вдоль гребня. Нет, они знали его как сань-бэньбина второго взвода третьего батальона Цзян Шу, по имени, взятому им при записи в боевое подразделение, вместо того, чтобы прятаться в тылу, как того желала его мать.

Все они здесь были зелеными новичками, зелеными, как Вэй. Никто из них прежде не бывал в бою.

Франко поерзал в своей броне, пытаясь унять чесотку между лопаток, куда при всем своем старании он не мог дотянуться.

А следом шла бронетехника, низкие коробочки танков крались по ложбинам, формируя следующую за мехами линию наступающих.

И, наконец, сзади задвигалась пехота, и длинные их тени устремились к линиям обороны ВСКК, это солнце, наконец, поднялось из-за дальних холмов, слепя Франко, что наверняка и входило в намерения врага.

Сегодня Франко заслужит право зваться чжаньши – воином Капелланской Конфедерации.

Сделав глубокий вдох, он наполнил легкие сухим воздухом Джонатона, испытывая гордость, которой, он знал, его кузену, Джун Лю никогда не узнать. Пускай Джун Лю и был офицером – сао-взем, когда они в последний раз виделись в доме матери Франко, но настоящий воин сражается, рискуя жизнью на рубеже за свой Дом и государство, а не перебирает армейские носки на базе снабжения где-то в тылу.

Его судьба, как второстепенного представителя Дома Ляо была бы той же, служить Дому там, где прикажут. Кровь Ляо слишком ценна, чтобы лить ее на полях боев. Так говорила его мать.

Франко поерзал, с трудом подавив желание встать на ступеньку, вырытую им в стенке ячейки. Вместо этого он сфокусировался на вели-

канах и их карликовых последователях, движущихся по склону, глядя сквозь игрушечный перископчик, купленным им в Пыльнограде неделей ранее.

Франко не знал ничего ни об этих машинах, ни о людях, за исключением того, что они из Федеративных Солнц.

Каковы были их планы? Наносили ли они удар просто по Джонатону, или феды атаковали и другие миры тоже? Так называемая разведка не сообщила им ничего, но вражеские суда появились за два дня до этого через дыру в орбитальной защите, открытой предательством.

Лишь чудом кто-то заметил их посадочные корабли: астроном-любитель, уставившийся в ночное небо, увидел отблески солнца на металлических корпусах прежде, чем транспорты ушли за линию терминатора. Это стало единственным предупреждением для планетарного командования.

Потрепанный бронекостюм «Фа Ши», носимый Франко, был не комплектный, раскурочен для поддержания боеготовности других костюмов в других полках, но того, что осталось, хватило на каркас и миомер, позволяющие ему таскать Р-ППВ – ручную переносную плазменную винтовку, являвшуюся единственным бронебойным оружием взвода. Брони на костюме считай, что не было вообще – одни наголенники и наручи, являвшиеся как каркасом, так и броней для воина внутри.

И он, Франко, или, точнее Цзян – носил её лишь потому, что единственный из всего полка выпускник захудалого регионального тренировочного центра, единственный, когда-либо просто надевавший подобный костюм, не то, что сражавшийся в нем.

Его взвод был одним из нескольких, разбросанных по верху склона, передовым заслоном. Позади них, насколько Франко знал, находилась основная линия сопротивления, соединенные силы пехоты, бронетехники и артиллерии. Все – ополченцы. Стражи отечества была где-то еще, защищая какой-то другой клочок земли. Здесь были только зеленые местные новички с худшим из имеющегося наличия оружия.

Взрослея, он слышал от матери вновь и вновь, что его обязанность – не запятнать чести дома Ляо, исполнять долг перед государством, и подчиняться канцлеру. Впрочем, в этот самый момент, в первой его битве, надвигающейся на него, всё, что он мог вспомнить, это слова полковника-инструктора из РТЦ, старого пехотного чжун-шао Ти Чьин Ху.

– Мехи невообразимо мощны, истинные мастера разрушения и силы. Это верно и для танков и для аэрокосмических истребителей, но всегда помните одно: удерживает землю – пехота!

Остальные инструктора его начального пехотного курса потратили два года, вколачивая в него этот урок.

Пехота удерживает землю.

В его Р-ППВ было только десять зарядов.

Если он вобьет их все в одну точку, он может, и пробьет броню на ноге меха, и возможно даже обездвижит его.

Два или три заряда по тонкой задней броне танка могут его остановить, по крайней мере так ему сказали.

Или – если ему хватит спокойствия, чтобы дожидаться и храбрости продолжать стрелять, каждый его выстрел будет уничтожать по бронетранспортеру, по машине, позволяющей вражеской пехоте не отрываться от мехов и танков.

Даже сейчас, двигаясь вверх по склону, мехи отрывались от танков, замедляемых рельефом местности. Танки могли бы их нагнать ценой потери строя, когда мехи словно не замечали особенностей рельефа.

Позади них на ходу сыпалась назад спешивающая пехота, кучкуясь за БТР.

Что и являлись настоящими целями Франко.

– Отрежьте пехоту от врага, – сказал их ротный, сан-вэй Лам, тыча туда, где предстояло быть вырытым их ячейкам. – Не позволяйте ей следовать за техникой. Без пехоты наша артиллерия и танки окружат их, отрежут и уничтожат начисто.

Используя предоставляемую костюмом дополнительную силу, Франко быстро вырыл увеличенную ячейку, потребную для бронекостюма «Фа Ши», шире и глубже, чем требуется для обычного человека, а затем помог в том же ребятам вокруг него, не имевшим для этого ничего, кроме мускулов и саперных лопаток.

Задолго до рассвета они уже были готовы, ожидая появления врага.

Здрав шлем, Франко просканировал небеса, как в обычном, так и инфракрасном режимах, но ни один истребитель не пятнал бесконечно синее небо. Наверняка в ходе битвы они появятся.

Он мог лишь надеяться, что они будут из ВСКК.

Две эскадрильи ТР-7 «Трашей» должны были быть прикреплены к Четвертому ополчения в ходе битвы, но, поскольку никто не знал, что за силы у врага на земле, никто и не знал и что за силы у врага будут в воздухе.

А может, бой в воздухе уже кончился? Может «Траши» уже валяются горами металла, горящими, в то время как истребители врага наносят удары далеко позади передового заслона? А может, битва за воздух ещё велась, прямо у них над головами? По большей части всё это было неважно. Они всё узнают, когда бомбы и ракеты посыплются на них.

Его автомат был прислонен к стенке ячейки с пластиковым чехлом, прикрывавшим дуло, чтобы земля и пыль не забили ствол. Он оставит его там до тех пор, пока он ему не понадобится, что наступит тогда, когда пехота появится в пределах досягаемости, а тем временем будет ждать с Р-ППВ и четырьмя реактивными гранатами, что были вручены всем бойцам заслона.

Как и Р-ППВ они тоже могли повредить мех, если достаточное их число взорвется в одной точке, но на быстро движущихся мехах это будет пустой их тратой. Их тоже надо было приберечь для пехоты или, может быть, для бронетранспортеров. РГ можно просто метнуть, и тогда ракетный заряд станет частью взрывчатки, но можно и запустить, получив взрыв обычной гранаты на гораздо большем расстоянии. Маленький сюрприз, если вражеская пехота их не ожидает. Или не облачена в бронекастюмы.

Никто из бывших на стороне ВСКК понятия не имел, что именно им противостоит, и этот факт ничуть не улучшал настроения Франко.

Пехота удерживает землю.

Он должен удержаться. Ради Дома. Ради своего подразделения. Но в основном ради своего имени. И не важно, как его зовут в данный момент.

Если бы только мать позволила ему записаться в военный колледж – его право по рождению в доме Ляо, он бы звался собственным именем, как офицер ВСКК... но нет, она боялась за его безопасность, ей нужны были внуки – а в итоге он должен умирать под именем какого-то работяги, в ополченцах вдали от Сиана, таская обноски, списанные в настоящем подразделении ВСКК.

Сошнувшись, Франко уставился вдаль. В первые дни своих тренировок в РТЦ он заучивал мехи, танки, АКИ и всяческое снаряжение, что могут использовать враги Конфедерации. Инструктора вколачивали их вновь и вновь, картинками и силуэтами, пока он не стал узнавать их даже во сне.

Но теперь, в действительности, эти тени могли являться чем угодно. Всё, что он когда-то учил, вылетело у него из головы, сменившись непрестанным страхом, вызывающим дрожь в спине, хотя те, посередине, что с коробками на плечах, должно быть «Катапульты», шестеркой движущиеся бок о бок строем.

«Шестеркой?»

Во всех войсках машины разворачивают звеньями по четыре. Так, что их должно быть или ещё два прямо тут, или ещё двоих он просто не видит. На флангах, может быть, или за остальными. А может они уже каким-то образом просочились за спину. Инфильтраторы должно быть были совсем небольшими, или дрожь земли выдавала бы их.

Франко затопал ногами, чтобы взглянуть назад, поскольку будучи внутри «Фа Ши» попросту не мог повернуть голову или перегнуться в талии на достаточный угол. Через свой перископчик он ничего не увидел. Основная линия сопротивления начиналась за следующим гребнем, скрытая в ожидании.

Когда он прошаркал ногами, чтобы вновь развернуться вперед, ритмично шевелящие ногами мехи оказались чуть ближе. Они явно никуда не торопились.

Не желая отрываться от своей поддержки, мехи продвигались гораздо медленнее, чем можно было бы ожидать, но танки, из-за пехоты, тащащейся следом, из-за буераков и валунов, из-за неудобного склона, замедлились, и мехами пришлось их ждать.

И, невзирая на медленную поступь мехов, между ними, танками и пехотой всё равно образовались бреши.

И наконец тени ведущих мехов накрыли Франко, тени, от полыхающего утреннего неба за ними, превратив и их самих не более чем в тени. Земля забилась под их поступью, как и его собственное сердце и он нырнул вниз, захватив с собой перископчик.

Пехота удерживает землю.

До этого момента шлем безмолвствовал – сохранялось полное радиомолчание, но теперь его забили приказы возвращаться в свои ячейки, приказы затаиться и оставаться на местах. Он видел, что бывает, когда пехота штурмует мехи. Головиды на эту тему в РТЦ были весьма натуралистичными.

Рев автопушек и визг РБД расколол небо над ним. Наушники шлема заполнили крики, и живот его, содрогавшийся с каждым толчком, болезненно свело.

Металлический палец обрушился на передний край его ячейки и он подался назад, пытаясь избежать огромного клина, согнувшегося на краю норы и обрушивающего внутрь землю, заваливая его ноги, хороня его по пояс.

По мере того, как он пытался освободиться, миомеры гнулись и перегревались. Обуреваемый паникой, он пытался выбраться наружу, пока его окончательно не похоронили живьем, и мягкая почва с легкостью поддалась под давлением усиленных механически рук и оружия.

С сорванной глоткой и горящими от натуги мышцами он вскоре перестал бороться, хотя и оставался по прежнему похороненным по пояс.

Наследник дома Ляо перестал паниковать. Он исполнил свой долг. Он остался там, где должен быть. Всё, что он сделает с этого момента – идет уже сверх, и эта мысль успокоила его.

Новая решимость преисполнила его, но в этот раз без паники. Он двинул одной ногой, настолько широко, насколько усиленная костюмом нога ему позволила, и затем подождал, пока земля осыпется под ногу. Когда он её опустил, то двинулся вверх. Лишь на сантиметр максимум, но вверх тем не менее. Он двинул второй ногой.

Казалось, на то, чтобы освободиться, ему потребовалась вечность, но к тому времени, как обе его ноги освободились и утоптали рыхлую землю до возможности встать твердо, мехи уже давно скрылись за его спиной, а танки так еще и не достигли заслона.

Он не мог найти в грязи своего перископчика, так что высунул голову над краем окопа и глянул вдаль.

Воздух разил озоном, сгоревшим ракетным топливом и пылью.

За ревом двигателей, лезущим вверх по склону, он не мог расслышать стрельбы, но он явно не один остался в линии ячеек. К несчастью, некоторые из идиотов, удерживающих рубеж, стреляли по танкам, без какой-либо цели, помимо привлечения их огня. Пушки танков производили минимум дыма, но когда снаряды принялись рваться над брустверами, земля затряслась. Если бы эти стрелявшие дурни держали головы пониже, то бруствер защитил бы их.

Франко убрал шлем вниз под бруствер, хотя это и потребовало неловко скорчиться на земле, сваленной мехом на дно ячейки. Ячейка заполнилась до нормальной глубины для пехотинца, но «Фа Ши» заполнял её с лихвой.

Он принялся ждать.

Он почувствовал, когда танки минули его, по земле, непрерывно трясущейся, и голове, дрожащей под скрежет и клацанье траков. Ни одна из бронемашин не была на воздушной подушке, иначе бы он услышал завывания гоняемого воздуха.

Подняв шлем чуть над краем, он увидел бронетранспортеры и пехоту, всё ползущих вверх по склону в сотне метров поодаль.

На корточках он развернулся, чтобы глянуть назад.

И в каких-то восемнадцати метрах стоял недвижимо танк, с кормой, обращенной к нему.

Дивная цель.

Он обменяет себя на танк. Это был разумный обмен.

Вставая, он подхватил Р-ППВ на свое место, и стиснул управление.

В визоре его шлема появилось перекрестье. По правой стороне экрана появился маленькими красными пометками селектор дальности, от нуля до четырехсот метров. Красная стрелочка стояла на нуле. Когда он щелкнул тумблером, стрелочка помчалась вверх и он коснулся большим пальцем того же тумблера-кнопки вновь, когда она достигла цифры 20.

Он вдавил гашетку вниз, и плазменная винтовка, зашипев, щелкнула, статическое электричество замерцало по стволу и искры воткнулись в грязь, а пластиковый патрон выпал с задней части винтовки.

Задняя часть танка засияла красным, затем белым и исчезла в тумане расплавленного металла.

Франко нажал на гашетку снова, и затем ещё раз, и с каждым разом новые части танка обращались в переливающийся газ.

Его сердце возликовало, когда левая гусеница танка отпала с ведущего катка, перерубленная одним из выстрелов.

Нырнув вниз, он принялся шарить в поисках автомата, и нашел его на дальней стороне ячейки, полупогребенным в земле. Выдернув его, он сорвал чехол с дула и пристроил оружие в левой руке. Второй прицел, в этот раз голубой, появился в визоре.

Он подождал. Десять секунд, двадцать.

Выскочив, он опустошил весь магазин по корме танка, поймав командира вылезавшим из люка башни и еще одного члена экипажа, только что спрыгнувшего на землю, чтобы посмотреть, что это стало с боевой машиной. Оба тут же рухнули на месте и не поднялись вновь.

Скорчившись, он, по-утиному зашлепал на корточках, разворачиваясь вперед и приподнялся как раз достаточно, чтобы просканировать склон вниз. Наемники были не более чем в семидесяти метрах, с бронетранспортерами, ползущими среди них.

Вбив новый магазин в автомат, он поднялся, разбрызгивая пули, одновременно впечатывая два плазменных заряда в БТР в пятидесяти пяти метрах справа, а затем сместил прицел на восемнадцать метров влево, и сорок шесть дальше, куда и нацелил последние два плазменных заряда, что у него имелись.

Тела падали налево и направо, когда первый БТР рванул, взметнув пламя и дым к небесам, и горячий металл посыпался дождем на вражескую пехоту, вжимающуюся в любую ложбинку в земле, какую они только могли найти.

«Потрясающе!»

Хлопнувшись на спину, он выпустил на некоторое время плазменную винтовку, чтобы подхватить РГ с бока бронекостюма. Подняв её вверх, он врезал по кнопке на боку, запуская её по высокой дуге, и наблюдая за тем, как та волочит за собою топливный дымок.

Ещё до того, как он услышал хлопок первой приземляющейся гранаты, он позапускал все остальные. Судя по тому, что он смог расслышать под всю эту стрельбу и взрывы, заполонившие склон, каждая из них издала весьма приятный ему хлопок.

Забив последний магазин в автомат, он сел, пытаясь засунуть ноги под себя, не выставляя шлема. Позади него прогремел взрыв, но тот всего лишь приложил его об передний бруствер ячейки.

Пытаясь вытащить оружие вверх, чтобы продолжить начатое, он отстегнул ныне бесполезную Р-ППВ от упряжи, но как только он перегнулся через бруствер, то всё, что он увидел, это спины врага, бегущего вниз по склону, пока бронетранспортеры пятились прочь, иногда постреливая. Тонкие следы РГ последовали за ними справа и слева от Франко, огненные искорки поблескивали на боках БТРов.

Он добился своего. Он больше не был просто гражданин Франко Вэй из дома Ляо. Даже если мехи вернутся, чтобы отомстить, он теперь чжаньши.

Радостные вопли заполонили наушники. Даже небольшая победа, это победа, и даже если они все завтра умрут, Франко чувствовал себя одним из них, солдатом.

Солдатом пехоты.